

капитала, и в то же время подстегивает спрос групп населения, обладающих высокими доходами. Конечный результат – рост инфляции. Поэтому обеспечение положительной реальной ставки по депозитам следует рассматривать и как нравственную задачу и как средство борьбы с инфляцией.

Возможно, что в процессе перехода к положительным реальным ставкам временно, т.е. до тех пор, пока это мероприятие в сочетании с комплексом других антиинфляционных мер не приведет к падению темпов инфляции, повысится номинальное значение процентной ставки. Для того чтобы это заметно не ухудшило финансовое положение заемщиков, целесообразно перейти к исчислению ставок за кредит, используя формулу сложных, а не простых процентов, поскольку сложные проценты точнее отражают процесс формирования банковских доходов. Процентная ставка, рассчитанная по формуле сложных процентов, значительно ниже, чем при применении формулы простых процентов. Например, если сейчас при 240% годовых ставка за недельное пользование кредитом равняется $240:52 = 4,615\%$, то при использовании формулы сложных процентов 240% годовых обеспечиваются недельной ставкой в 1,6%, т.е. меньшей почти в три раза. Думается, что изменение подхода к установлению процентной ставки и снижение незаслуженно высоких банковских доходов – не такая высокая плата за приближение реальной ставки процента к положительному значению.

Признавая всю актуальность поиска *путей устранения* такого явления, как отрицательная реальная процентная ставка, не следует все же отодвигать на задний план анализ породивших ее причин. Хотелось бы, в частности, обратить внимание на отсутствие ясности в таком вопросе, как ответственность государства перед частными и юридическими лицами за сохранность реальной ценности их финансовых активов. Существуют соответствующие правовые нормы, возможно, не было бы неподготовленной либерализации цен с фактической конфискацией львиной доли сбережений, шокирующей инфляции и сохранения в течение всего прошедшего периода проводимой реформы отрицательной реальной ставки процента со всеми вытекающими из этого последствиями для страны.

О ПЕРЕХОДЕ К РЫНКУ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

© 1994 Перламутров В.Л.

(Москва)

Если рассматривать отдельные положения статьи Ю.В. Овсиенко, то с большинством из них можно согласиться. Однако взятые вместе, и особенно в контексте нынешней ситуации в российской экономике, они мне представляются сомнительными. Все дело как раз в этой конкретной ситуации и в неприменимости к ней многого из того, что является бесспорным в "обычной" рыночной экономике.

Наша нынешняя экономика существенно отличается от всякой рыночной (смитовской, марковской, кейнсовской, фридмановской и любой другой) тем, во-первых, что она – переходная, причем закономерности старой экономики уже почти не действуют, а новой – еще как следует не действуют и, во-вторых, находится в глубоком

кризисе. Это придает большое своеобразие происходящим в ней процессам и методам нормализации ситуации.

Нет сегодня ни в России, ни в мире теории, адекватной нынешнему положению нашего общества в целом и в его экономике, в частности. Это обстоятельство печальное, но вовсе не неожиданное. Обычно в науке именно так и бывает. К примеру, в начале XX в. поднялся в воздух самолет братьев Райт, а через два десятилетия возникла теория полета "аппаратов тяжелее воздуха". Капитализм появился в Италии и других европейских странах в XV–XVI вв., а классическое сочинение А. Смита "Богатство народов" вышло в свет в 70-х годах XVIII в. Или еще: в мире разразился чудовищный экономический кризис 1929–1933 гг., и лишь после того, как он был преодолен, появилась антикризисная концепция М. Кейнса, изложенная в 1936 г. в книге "Общая теория занятости, процента и денег". Видимо, и в нашем случае сначала будет преодолен кризис, народное хозяйство уверенно выйдет на дорогу, ведущую к рыночной экономике, и тогда-то появится теория перехода от административной экономики к рыночной. И если она получит название овсиенковской, то я буду только счастлив. Пока же, по-моему, следует четко провести разграничительную линию между нашей и рыночной экономикой по названным двум направлениям: наша экономика сегодня – дорыночная и глубококризисная. Если в ней и действуют какие-либо закономерности (т.е. если она не сугубо хаотична), то почти неизвестные экономической теории.

Теперь о вопросах, поднимаемых Ю.В. Овсиенко.

О функциях денег. Автор называет две: средство обращения и средство сохранения ценностей. Первая анализировалась еще А. Смитом. О второй я еще не слышал. Думаю, что если применительно к золотомонетному обращению об этом еще можно было бы, видимо, говорить, то с середины нашего века, когда деньги полностью потеряли связь с золотом, это делать уже неправомерно. Бумажные деньги, эмитируемые центральными банками стран, стали в сущности долговыми расписками, подобными векселям, акциям, облигациям, сертификатам, устойчивостью или неустойчивостью которых целиком зависит от приростов или сокращений объемов производства и повышения или понижения его эффективности. Причем, если векселя, акции и прочие подобные ценные бумаги держат или не держат свой курс в более или менее локальных границах, то деньги – в границах всей национальной экономики, а чаще – даже экономического союза государств (ЕЭС, экономическая зона США – Канада – Мексика и т.п.).

Что касается учетной ставки банковского процента, на которую как на регулирующий макроэкономический параметр автор возлагает большие надежды, то ведь это – параметр именно рыночной экономики. А у нас ни ее нет, ни банковской системы рыночного типа. У нас Центральный Банк не управляет денежной массой; он каждодневно пытается штопать дыры денежного хозяйства страны. Если бы не его кредиты госбюджету, то государство с середины 1992 г. вынуждено было бы объявить себя банкротом. В сущности так и есть: если заработную плату врачам, учителям, военным, сельчанам, угольщикам, северянам в срок не платят, то это бесспорный признак банкротства плательщика – госбюджета. В этой ситуации никакая учетная ставка ничего не решает. Вот если бы мы уже построили рыночную экономику и в ней случился бы кризис, то, естественно, известные рычаги банковского регулирования дали бы эффект. А коли ее нет, то где же взяться ожидаемому результату?

О депозитном проценте и сбережениях. Автор справедливо отмечает, что нынешняя процентная политика направлена на конфискацию сбережений населения и основным источником инвестиций в России остается денежная эмиссия. Действительно, это так. Но дальше следует неправомерный, на мой взгляд, вывод: отрицательные ставки депозитного процента являются у нас главной причиной инфляции. Опять автор как бы молчаливо предполагает наличие у нас рыночных отношений. А их в сущности нет, и если что-то и есть, то только разрозненные элементы этих отно-

шений, да к тому же в условиях спада производства, спонтанного роста цен, нарушения хозяйственных связей и т.п. Другими словами, ситуации и макро- и микро-экономическая совершенно неординарные. Как же к ним можно подходить с позиций теории, не описывающей именно такие ситуации?

Полагаю, что главная причина инфляции иная. В самом общем виде ее можно изложить так: наши реформаторы в целях построения рыночной экономики взяли на вооружение одну из теорий (именно – монетаристскую), которые описывают состояния уже функционирующей рыночной экономики. Это примерно то же, как если бы при построении корабля руководствоваться теорией судовождения.

Если же говорить конкретнее, то главная причина инфляции – обесценение капиталов предприятий вследствие глобального роста цен. За два года оборотные капиталы промышленности обесценились почти в 2000 раз. Это сразу же потянуло за собой кризис неплатежей, поскольку создавать обычные запасы сырья, материалов, полуфабрикатов, готовой продукции и т.п. стало невозможным, особенно на предприятиях перерабатывающих отраслей (больше всего выросли цены на энергоносители и сырье). Обесценение основных капиталов сказалось на снижении более чем вдвое объема капитальных вложений, но пока не превратилось в катастрофическое, так как необходимые ремонты и замены оборудования можно отложить на год или несколько лет, тогда как обесценение капиталов оборотных сказывается немедленно – нечем платить контрагентам. Текущий денежный оборот оказался много меньше оборота материальных ценностей между предприятиями. Это только иное выражение процесса, называемого инфляцией. И здесь нет выхода кроме государственного регулирования цен и доходов. Ведь так поступали все индустриальные страны в пору большого кризиса. Иначе впереди маячит полная остановка производства или ее неизбежное следствие – нечто вроде "военного коммунизма", где цены и деньги вообще никакой роли в жизни хозяйства не играют.

О кредитной деятельности коммерческих банков. Ю.В. Овсиенко ограничивает свой анализ многосторонней деятельности коммерческих банков только динамикой процентной ставки. Это было бы естественным для сложившейся рыночной экономики. Что же касается переходной и кризисной экономики, то здесь чрезвычайно важны именно конкретные обстоятельства хозяйствования. Для оценки деятельности российских коммерческих банков, по-моему, более всего существенны преимущественные сроки выдачи кредитов. У нас только 13% банков наряду с краткосрочными предоставляют долгосрочные ссуды. Это те банки, которые созданы крупными предприятиями. Зависимость от таких учредителей понуждает их хоть какие-то средства выделять на инвестиционные нужды. Что касается всех других банков, то более половины ссуд они предоставляют на срок от 3 дней до полутора-двух недель. Понятно, что такие сверхкраткосрочные ссуды могут обслужить лишь посреднические операции по купле-продаже готовых товаров. Рентабельность этих операций столь высока, что рубль кредита приносит, видимо, тысячи процентов прибыли в годовом исчислении. При подобном режиме коммерческому банку не страшен никакой отрицательный процент Центрального Банка. Соответственно банки выступают по сути дела не как структура развитого денежного рынка – одной из основ рыночной экономики, а как стихийные центры ускоренного первоначального накопления капиталов. Это – во многом еще дорыночные структуры, к ним так и надо подходить.

И, наконец, я не согласен с автором и в том, что кредитная политика в России губительна для народа. Губительна вся парадигма реформирования нашей экономики: быстрота, импровизационность, самоуверенность, непрофессионализм реформаторов. Если же говорить о собственно денежной сфере, то наиболее губительной выступает политика финансовая. В самом деле. Рыночная экономика – это экономика самофинансирования хозяйствующих субъектов. Именно самофинансирование создает стимулы рационального ведения дел. Однако при нынешних ставках налогов на предприятия, доходящих до 85–87% их доходов, режим

самофинансирования сложиться нигде (за исключением нефтяной, газовой и еще нескольких отраслей промышленности) не может. Ни капитальных вложений, ни прироста оборотных средств профинансировать из остающихся сумм (к тому же постоянно обесценивающихся вследствие роста цен) почти никому не удастся. И здесь нет различий в формах собственности: как частное, так и государственное предприятия из 13–15% оставляемой им прибыли никакие даже первоочередные нужды не профинансируют, не говоря уже о возврате кредитов и уплате по ним процентов.

Таким образом, при нынешней фискальной политике рыночной экономике в России не сложиться. Это ведь по сути дела политика стимулирования первоначального накопления. И тут возникает вопрос: что произойдет раньше – накопятся капиталы или остановится производство. Налицо крайне рискованная для страны политика. Поэтому нужна иная парадигма экономического реформирования. Без нее очень вероятен срыв в хаос и – как спасение от него – жесткая и всеобъемлющая административно-распределительная модель ведения хозяйства. Как говаривал грибоедовский Фамусов, "шел в комнату, попал в другую"....